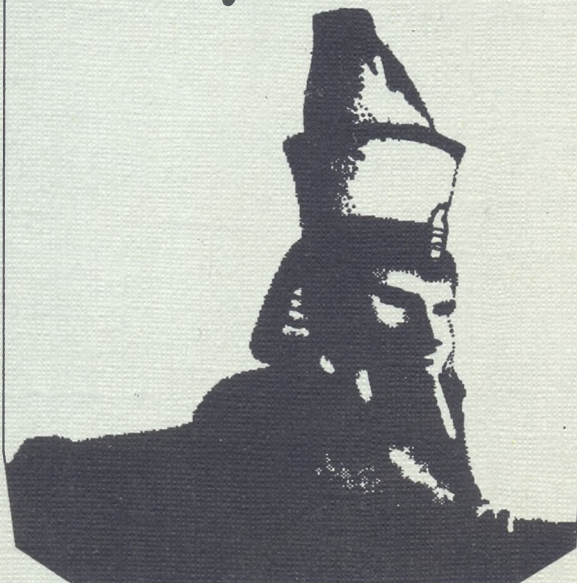

АНДРЕЙ НИКИТИН

Неизвестный
Николай
Гумилев

АНДРЕЙ НИКИТИН

**Неизвестный
Николай
Гумилев**

*Исследование
и стихи*

МОСКВА
1996

ББК 85.33

Н 62

Никитин А.Л.

Н 62 Неизвестный Николай Гумилев. Исследование и публикация текстов. — М., «Интерграф Сервис», 1996. — 96 с., с портретом. — (Семейный архив. XX век.)

Историк и писатель А.Л.Никитин рассказывает о парадоксальной ситуации, когда в собраниях сочинений известного русского поэта Николая Гумилева его последняя прижизненная книга объявлена «неисправным черновиком», а черновик — окончательным вариантом. Проследив историю появления двух одноименных сборников и показав причины столь грубой ошибки, публикатор воспроизводит поэтический текст, практически неизвестный широкому читателю.

На фронтисписе — портрет Н.Гумилева работы Н.С.Войтинской, 1909 г.

ISBN 5-85052-077-5

© Исследование и публикация —
А.Л.Никитин, 1996

© Художественное оформление —
А.Ю.Никулин, 1996

ЗАГАДКА ПОСЛЕДНЕЙ КНИГИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

Трудно представить, что у столь популярного и почитаемого поэта, как Н.С.Гумилев, оказалась книга, практически неизвестная широкому читателю. Но вот как это случилось.

Имя Гумилева еще при жизни было окружено легендами, возникновению которых способствовал сам поэт, склонный к многозначительным умалчиваниям, не имевшим под собой других оснований, кроме «игры в тайну». Еще большее их количество стало возникать после его гибели, обстоятельства которой до сих пор выяснены не до конца. Мне приходилось слышать за достоверное, что Гумилев был «офицером Генерального Штаба», «резидентом российской разведки во Франции», «разведчиком международного класса», доставившим в Петербург «завещание абиссинского негуса», по которому Абиссиния отходила после его смерти российской короне (по-видимому, в результате ошибочного отождествления с ним героя повести В.Каверина «Большая игра»), и многое другое. Что же касается его трагической смерти, то последнюю объясняли столкновениями Гумилева с Зиновьевым на романтической почве, происками западных разведок и тому подобным вздором, в котором, по всей видимости, не могло быть и доли правды.

Подобные апокрифы возникали и при изучении поэтического наследия Гумилева. Негласный, похоже, никем не санкционированный запрет на упоминание его имени и публикацию стихов (в то же время беспрепятственно продававшихся в букинистических магазинах), способствовали путанице и невнятице, тем более, что большинство автографов расплылось и осело в частных собраниях. Но существует и другая сложность. С ней сталкивается исследователь и издатель при выборе окончательного варианта того или иного стихотворения, так как на протяжении всей жизни Гумилев не раз возвращался к уже опубликованным текстам, подвергая их радикальной переработке. Поэтическое творчество он считал «ремеслом» и, если созданное его не удовлетворяло, относился к уже написанному безо всякого пиетета.

Сравнивая различные варианты одного и того же стихотворения, можно видеть, как поэт менял слова, перестраивал строфы, избавлялся от некоторых эпизодов, менял акценты, добиваясь более отчетливого рисунка стиха, точности эмоционального и образного ряда. Порой это приводило к отказу от целых частей, как то случилось с четвертой песней «Открытия Америки», напечатанной в журнале «Аполлон» в 1910 году, но исключенной в процессе перепечатки поэмы в сборнике «Чужое небо». Понятно, что при таком отношении поэта к стихам, как к живой плоти,

способной изменяться во времени, при подготовке новых изданий возрастает ответственность составителя и редактора, задача которых, с одной стороны, заключается в том, чтобы донести до читателя именно последний, окончательный авторский вариант текста, а с другой — приоткрыть комментариями и разночтениями творческую мастерскую поэта. Многочисленные примеры такого вдумчивого и бережного отношения мы находим в наиболее полных изданиях Гумилева, начиная с четырехтомного «Собрания сочинений» под редакцией Г.П.Струве и Б.А.Филиппова (Вашингтон, 1962-1968), недавно репринтированного в России, и кончая лучшим из имеющихся — «Сочинения в трех томах» — подготовленным и осуществленным в 1991 г. Н.А.Богомоловым.¹

Саморедактирование шло и во время публичных выступлений поэта. В этом плане любопытен рассказ С.М.Богомазова о выступлении Гумилева в ноябре 1920 г. в Политехническом музее в Москве, который приводит в своих воспоминаниях Л.В.Горнунг (в тексте публикации ошибочно указан 1921 г.). Читая «Заблудившийся трамвай», поэт выпустил строфу «Как ты стонала в своей свет-

¹ *Гумилев Николай*. Сочинения в трех томах. Вступительная статья, составление, примечания Н.А.Богомолова. М., «Художественная литература», 1991 (далее — *Н.Гумилев*, СТТ).

лице...»,¹ как можно полагать, не потому, что там упоминался его визит к императрице (что имело место в действительности), а ощутив ее лишней в развитии темы очищения и преображения, получавшей, таким образом, главенствующее и более отчетливое звучание. И тот факт, что «Заблудившийся трамвай» был напечатан следующим летом в сборнике «Огненный столп» с выпущенной при чтении строфой, показывает колебания поэта, признававшего за ней, уже переработанной, необходимость присутствия в корпусе стихов подчеркнуто автобиографического звучания.

Стоит заметить, что «Огненный столп» открывал новый период в творчестве и в жизни Николая Гумилева, шедшего от романтизма и «парнасской» отстраненности в изображении мира к преодолению этой незримой преграды. Пройдя сквозь бои первой мировой войны, через трагические годы жизни в революционном Петрограде, пережив крушение принципов, на которых строился весь предшествующий миропорядок жизни, Гумилев не мог не ощутить среди окружающих его руин извечную несокрушимость «человеческого, слишком человеческого», что зиждилось на непоколебимости дружеских и родственных отношений, сближая людей,

¹ Горнунг Л.В. Неизвестный портрет Н.С.Гумилева. Из воспоминаний. — В кн.: «Панорама искусств», вып.11, М., 1988, с.184.

делая их необходимыми друг для друга и утверждая человека в качестве единственно безусловной ценности бытия. Вчитываясь в стихи Гумилева этого периода, можно заметить, что внутренне поэт менялся много быстрее, чем то замечали окружающие, хотя он уже давно вполне искренне провозгласил, что «мы меняем души, не тела».

Но если для большинства стихотворений Гумилева вопрос о последовательности авторской правки имеет, скорее, академический, чем принципиальный интерес, то совсем иначе обстоит дело с двумя циклами, представленными одноименными сборниками «Шатер». Один из них вышел при жизни поэта в 1921 г. в Севастополе,¹ другой — в 1922 г. в Ревеле² (ныне Таллинн).

Отличие между севастопольским и ревельским сборниками прежде всего в объеме. Если первый заключает в себе 637 строк, то второй — 1050. В севастопольский «Шатер» вошли стихотворения «Вступление», «Красное море», «Египет», «Сахара», «Судан», «Абиссиния», «Галла», «Сомали», «Готтентотская космогония», «Дагомея», «Либерия» и «Экваториальный лес». В ревельском этот список дополнен стихотворениями «Суэцкий канал»,

¹ Гумилев Н. Шатер. Стихи 1918 г. Издание Цеха Поэтов. Государственная типография Севастопольского Полиграфотдела, Севастополь, 1921 (далее — Ш-21).

² Гумилев Н. Шатер. Стихи. Ревель, «Библиофил», 1922 (далее — Ш-22).

«Мадагаскар», «Замбези» и «Нигер». Но даже если исключить последние стихотворения, общий объем ревельского «Шатра» будет превышать объем севастопольского на 221 строку. Такое приращение текста совершенно не характерно для Гумилева, как я уже заметил, безжалостно сокращавшего свои стихи. Поэтому и в данном случае следовало ожидать такой же направленности работы, то есть видеть в ревельском «Шатре» первоначальный текст, который в 1921 г. был переработан для севастопольского издания.

Между тем в «гумилевоведении» установилась обратная точка зрения, согласно которой севастопольский текст рассматривается как первоначальный, черновой, а ревельский — в качестве окончательной авторской редакции, осуществленной Гумилевым между выходом севастопольского «Шатра» в конце июня 1921 г. и арестом поэта 3 августа 1921 г.¹ Поэтому во всех изданиях публикуется текст сборника 1922 г. (Ш-22), а из предыдущего (Ш-21) лишь иногда приводятся в комментариях отдельные разночтения. В результате севастопольский сборник, вышедший ничтожным тиражом, остается совершенно неиз-

¹ См.: *Гумилев Николай*. Стихотворения и поэмы. Составление, подготовка текста и примечания М.Д.Эльзона. Л., 1988, «Библиотека поэта», Большая серия, с.583-584 (далее — Н.Гумилев, БПБС); Н.Гумилев, СТТ, т.1, с.532-533.

вестен широкому читателю — не отдельные стихи, а прекрасная книга великолепного поэта.

Почему так получилось?

Начну с того, что последним прижизненным сборником Гумилева считается даже не севастопольское издание, а «Огненный столп», корректуру которого Гумилев держал в июле 1921 г.¹ На этом основании сделан вывод, что работа над «Огненным столпом» велась после издания севастопольского «Шатра». Однако никто из исследователей не задался вопросом, когда поэт передал рукопись этого сборника в издательство. Последнее обстоятельство немаловажно. Как известно, стихи, вошедшие в «Огненный столп», Гумилев писал на протяжении 1919-1920 гг., и корректура была дополнена только стихотворением «Мои читатели». Время его написания — начало июля 1921 г. — определяется двумя событиями, нашедшими отражение в тексте: знакомством Гумилева в Москве с Я.Г.Блюмкиным, убийцей германского посла Мирбаха («Человек, среди толпы народа застреливший императорского посла...»), и в Севастополе с С.А.Колбасьевым («Лейтенант, водивший канонерки под огнем неприятель-

¹ Объявление о выходе «Огненного столпа» «на этой неделе» появилось в петроградской газете «Жизнь искусства» в номере от 16-21 августа 1921 г. Гумилев был расстрелян 27 августа 1921 г.

ских батарей...»)¹ Положение стихотворения в самом конце сборника перед поэмой «Звездный ужас», законченной в 1920 г., подтверждает естественный вывод, что, написанное в первой декаде июля 1921 г., оно было вставлено поэтом в процессе окончательной сверки набора, перед самой печатью. Сама же рукопись сборника была передана в издательство «Петрополис», «поставившее своей целью издание книг современных поэтов», еще 18 декабря 1920 г.,² то есть за полгода до отъезда Гумилева в Севастополь.

Теперь следует вернуться в 1918 год, когда поэт начал работать над африканским циклом.

Как вспоминала А.А.Ахматова, с самого начала «Шатер» был вовсе не «африканским дневником», а «заказной книгой географии в стихах и никакого отношения к его путешествиям не имел...».³ Последнее подтверждается планом такой «географической антологии», сохранившемся в автографе, где африканский раздел оказывается очень близок

¹ «Н.Гумилев. Хроника». — В кн.: Н.Гумилев, СТТ, т.3, с.424 (далее — «Хроника»).

² «Хроника», с.420.

³ Лямкина Е.И. Вдохновение, мастерство, труд. (Записные книжки А.А. Ахматовой). — В кн.: «Встречи с прошлым», вып.3, М., 1986, с.390. Об этом же говорил сам Н.С. Гумилев В.И.Немировичу-Данченко (*Немирович-Данченко Василий. Рыцарь на час. (Из воспоминаний о Гумилеве)*). — В кн.: «Николай Гумилев в воспоминаниях современников», М., 1990, с.230).

оглавлению «Шатра» («...Африка: 1) Египет, 2) Триполи, 3) Тунис, 4) Алжир, 5) Марокко, 6) Сахара, 7) Сенегамбия, 8) Западный берег, 9) Трансвааль, 10) Родезия, 11) Лесная область, 12) Мадагаскар, 13) озеро Виктории, 14) Абиссиния, 15) Сомали, 16) Нил, 17) озеро Чад, 18) Красное море...»¹). Об этом свидетельствует и расписка поэта от 24 сентября 1917 г. в получении аванса под будущую книгу от издательства «Петербург».² Однако дата расписки содержит ошибку, поскольку в то время Гумилев находился во Франции и вернулся в Россию только в конце апреля 1918 г.³ Другими словами, получение аванса и всю работу над африканским циклом следует отнести к осени 1918 г., когда, согласно «Хронике» жизни поэта, он приходил к Ахматовой и Шилейко и читал им стихи из будущей книги «Шатер».⁴

Запись об этом П.Н.Лукницкого⁵ и указание самого Гумилева на титульном листе севастопольского издания — «Стихи 1918 г.» — позволяют заключить, что весь африканский цикл был им создан в том же году, то есть до

¹ РГАЛИ, ф.147, оп.1, ед.хр.19.

² См.: *Н.Гумилев*, СТТ, т.1, с.532.

³ «Хроника», с.405.

⁴ «Хроника», с.407.

⁵ *Лукницкая В.* Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990, с.221.

тех пор, пока существовала надежда на издание. А это продолжалось недолго, ибо нет никаких данных, что Гумилев работал над другими сюжетами плана, кроме африканских. Подтверждает это и начавшаяся весной следующего года их публикация в журналах Петрограда, Москвы и Харькова. Но книга тогда так и не вышла из-за бумажных и финансовых затруднений. Тяжелая обстановка последующих лет, новые интересы и новые заботы отодвинули от поэта не находившую спроса африканскую экзотику и рукопись уже готового сборника легла в письменный стол. Примечательно и другое. Изначально рассматривая «Шатер» как отдельную книгу, в следующий поэтический сборник, «Огненный столп», складывавшийся на протяжении 1919-1920 гг., Гумилев не включил ни одного «африканского» стихотворения. Причина, как мне представляется, заключена в разнохарактерности стихов того и другого цикла — «путеводителя по Африке», как не совсем справедливо назвал севастопольский «Шатер» в своей рецензии Э.Ф.Голлербах,¹ и глубоко личной книги, какой был «Огненный столп».

Почему же «Шатер» все же успел выйти раньше? Воспоминания Л.В.Горнунга сохранили рассказ В.А.Павлова, бывшего в то время флаг-секретарем командующего Военно-Морскими силами России контр-

¹ «Жизнь искусства», Пг., 30 августа 1921.

адмирала А.В.Немитца, как с его помощью и по его приглашению в начале июня 1921 г. Гумилев совершил в салон-вагоне Немитца путешествие в Крым, имея с собою рукопись «Шатра». Благодаря такой высокой поддержке, Гумилеву удалось отпечатать в Севастополе этот сборник на довольно плохой бумаге, в обложке из синей бумаги, «предназначенной для заворачивания сахарных голов», как писал Горнунг. По завершении печатания свою «рукопись Гумилев подарил тут же Павлову, а весь тираж книги увез с собой в Петроград».¹

Рассказ этот сейчас можно дополнить и уточнить. Знакомству с Павловым Гумилев был обязан О.Э.Мандельштаму, поскольку флаг-секретарь был еще и поэтом. Оно произошло в первой половине мая, а уже в начале июня Гумилев и Павлов выехали из Петрограда в Москву, откуда и направились в Крым в салон-вагоне контр-адмирала.

Поездка в Крым была наполнена впечатлениями и встречами. В Крыму Гумилев виделся с матерью и сестрой А.А.Ахматовой, познакомился с С.А.Колбасьевым и совершил вместе с ним поездку морем до Феодосии, во время которой произошла его последняя встреча (и примирение) с

¹ Горнунг Л.В. Неизвестный портрет Н.С.Гумилева..., с.184.

М.А.Волошиным.¹ Однако для обложки сева­стопольского «Шатра» была использована, как видно на сохранившихся экземплярах, не «оберточная бумага», а плотный синева­тый полукартон. Известно также, что Гуми­лев не дождался всего тиража книги, кото­рый позднее привез в Петроград Колбасьев, а уехал только с его частью, причем на обрат­ном пути побывал в Ростове-на-Дону, где в местном театре играли его трагедию «Гондла». Об этом сохранились краткие воспоминания Г.Н.Халайджиевой.²

Н.А.Богомоллов, скрупулезный и дотош­ный исследователь жизни поэта, высказал предположение, что, вернувшись в Петро­град через Москву, где встретился с Блюм­киным, Гумилев подготовил рукопись вто­рого издания «Шатра» и продал ее издательству «Библиофил», которым она и была опубликована в конце 1921 г., но с датой 1922 г.³ В данном случае он только повторил мнение Г.П.Струве, что «второе издание, значительно переработанное и до­полненное, вышло... по рукописи, получен-

¹ Лукницкая В. Николай Гумилев..., с.250; Во­лошин М.А. Из дневников. — В кн.: «Жизнь Нико­лая Гумилева. Воспоминания современников». Л., 1991, с.206-207.

² Халайджиева Г.Н. О постановке «Гондлы». — В кн.: «Жизнь Николая Гумилева», с.203-204.

³ Н.Гумилев, СТТ, т.1, с.533.

ной от самого Гумилева».¹ Именно в силу авторитета Струве текст ревельского издания был признан выражением «последней воли поэта» и, как таковой, воспроизводился во всех последующих изданиях, в то время как севастьяпольский сборник никогда не переиздавался, оставаясь известен только специалистам и коллекционерам.

В действительности же, все было не так просто и прямолинейно. Это понимал и Богомолов, поэтому, следуя канону вашингтонского издания, счел необходимым указать в комментариях, что «тексты второго издания значительно обширнее текстов первого», а вместе с тем не без удивления заметить: «Как правило, при переиздании своих книг Гумилев исключал из них некоторые стихотворения, а в самих текстах элиминировал (т.е. изымал. — *А.Н.*) строфы и отдельные фрагменты. Здесь же картина является обратной: в Ш-22 появляются строфы и стихотворения, которых не было в Ш-21».

Казалось бы, после такого заключения уместно поставить вопрос: а не ошибаются ли комментаторы, в глазах которых последовательность изданий сняла вопрос о последовательности работы над текстами? Но сделано

¹ *Гумилев Николай*. Собрание сочинений в четырех томах. Под ред. проф. Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. Подготовка текста, комментарии и вступительная статья Г.П.Струве, т.2, Вашингтон, 1964, с.296 (далее — Н.Гумилев, СС).

этого не было. Следом за Струве, Богомолов признал «дефектность» текстов севастопольского сборника и предположил, что «Гумилев не брал с собой в поездку рукописи «Шатра», но узнав, что есть возможность в Севастополе напечатать книгу, он составил сборник по памяти, чем объясняются лакуны и искажения текстов (подчеркнуто мною. — А.Н.). Приехав в Петроград, он продал в издательство «Библиофил» реальную рукопись, подготовленную ранее».¹

Выдвигая такое предположение, автору его следовало бы сначала доказать ложность сообщения Павлова о наличии у Гумилева рукописи «Шатра» и факт дарения ее тому же Павлову. Можно не сомневаться, что в последнем случае подразумевалась именно беловая рукопись. На такие подарки поэт был не щедр, но делая их, придавал огромное значение их внешнему виду и уж никак не мог подарить рабочую рукопись, разорванную на листочки и захватанную пальцами наборщиков, которая должна была остаться в типографии. Столь же невероятно утверждение о «слабой памяти» Гумилева на свои стихи. К.И. Чуковский вспоминал, как зимой 1918/1919 года Гумилев читал ему «Гондлу» при свете «затейливо прекрасной лампы». Но лампада потухла. Наступила тьма, и тут я стал свидетелем чуда: поэт и во тьме не пе-

¹ Н.Гумилев, СТТ, т.1, с.533.

рестал ни на миг читать свою трагедию, не только стихотворный текст, но и все прозаические ремарки, стоявшие в скобках, и тогда я уже не впервые увидел, какая у него необыкновенная память».¹

Поэтому, чтобы выяснить реальное соотношение этих сборников и установить последовательность правки составляющих их стихотворений, обратимся к текстам, которые на протяжении 1919-1920 гг. публиковались в журналах в своем первоначальном виде. Это «Египет», «Сахара», «Дагомей» и «Экваториальный лес». Сравнение однозначно показывает, что, несмотря на весьма значительные сокращения, журнальный вариант во всех без исключения случаях оказывается идентичен не севастопольскому, а ревельскому изданию «Шатра». Другими словами, ревельское издание для этих четырех стихотворений соответствует исходному, а не конечному варианту авторской правки Гумилева. Вот как это выглядит.

«Египет» впервые был напечатан в журнале «Москва» (1919, N 3) в сильно сокращенном виде (из 29 строф Ш-22 оставлены только 9: I-III и XVI-XXI). Все строфы журнальной публикации вошли в Ш-21, но с изменениями. Например, V строфа в журнале (XVII в Ш-22) читается:

¹ Лукницкая В. Николай Гумилев..., с.213.

Точно дивная Фата-Моргана
Виден город у ночи в плену.
Над мечетью султана Гассана
Минарет протыкает луну.

В севастопольском сборнике эта (IX) строфа изменена:

Точно дивная Фата-Моргана
Виден город, над городом свет;
Над мечетью султана Гассана
Протыкает луну минарет.

Вряд ли можно оспорить тот факт, что исходным был первый вариант, а не второй, более точный по смыслу, к тому же смягчавший комическую двусмысленность взаимоотношений луны и минарета. То же обнаруживает и 1-я строка VI строфы, полностью идентичной строфе XVIII в Ш-22 —

На прохладных открытых террасах,
в Ш-21 (X строфа) измененная следующим образом:

На широких и тихих террасах,
поскольку определение «прохладный» использовано строфой ниже и не соответствует природе определяемого объекта, точно так же как и «открытый», ибо закрытых террас не бывает.

Примерно в то же время в журнале «Северное сияние» (Петербург, 1919, № 1-2) был напечатан «Экваториальный лес». Он совпадает с текстом ревельского издания, тогда как в сева­стопольском несет небольшую косметическую правку (вместо «беспечно смотрел» — «недели смотрел», вместо «покинули» — «оставили», вместо «посвист и шорох» — «шорох и посвист», вместо «заметил» — «ты видишь»).

«Сахара» была напечатана в 1920 г. в сильно сокращенном виде (12 строк из 23 Ш-22 и 17 Ш-21) в том же журнале, что и «Египет» («Москва», 1920, № 4). Все разночтения в тексте этой публикации с текстом Ш-21 одинаковы и для Ш-22. Например, 1-я строка I строфы (III в Ш-22)

Ни в дремучих лесах, ни в просторе морей
изменена в Ш-21 (III) на

Ни в прохладе лесов, ни в просторе морей...

Сходную картину можно увидеть и во 2-й строке VII строфы (XII в Ш-22):

Вихри пыли взметнулись и пухнут.

В Ш-21 эта (VIII) строфа изменена на

Стены праха поднялись и пухнут...

Аналогично соотношение 3-й строки IX строфы (XIV в Ш-22)

Это значит в пути спотыкнулась она
с изменением в Ш-21 (IX строфа), где читается

Это значит, в пути натолкнулась она,
что при всем желании не может быть объяснено «обратным ходом» правки. Наконец, в журнальной публикации имеются строфы (XI и XIII Ш-22), отсутствующие в севастопольском сборнике, что тоже исключает возможность «промежуточного» положения «Сахары» севастопольского издания между журнальной публикацией и ревельским изданием.

К сходным выводам приводит изучение вариантов стихотворения «Дагомея», опубликованного впервые на страницах журнала «Творчество» (Харьков, 1919, N 5-6). Гумилев дважды возвращался к нему: первый раз перед тем; как отдать его в журнал, и вторично, когда готовил севастопольское издание, причем в последний раз он дополнил стихотворение еще одной строфой, отсутствующей в ревельском издании, вставив ее между строфами I и II. Что же касается разночтений, то их немного, они преимущественно стилистического характера, но достаточно показательны. Так во 2-й строке I строфы идут следующие изменения:

Ш-22 Ты высок, точно слон дагомейских лесов
журнал Ты высок, точно слон, повелитель лесов
Ш-21 Ты велик, точно слон, повелитель лесов;

в 1-й строке II (в Ш-21 — III) строфы

Ш-22 И как доблесть твоя, о испытанный воин,
журнал И как слава твоя, о испытанный воин,
Ш-21 И как доблесть твоя, о испытанный воин;

во 2-й строке III (в Ш-21 — IV) строфы

Ш-22 Преклоненные люди завыли вокруг
журнал Изступленные люди завыли вокруг
Ш-21 Исступленные люди завыли вокруг.

Наиболее зримо последовательность переработки выступает во 2-й строке IV (в Ш-21 — V) строфы:

Ш-22 И с утеса в бурливую воду прыгнул,
журнал И с утеса в бурливое море скакнул,
Ш-21 И с утеса в бурливое море скакнул.

Можно согласиться, что последний вариант тоже далек от совершенства, однако он все же лучше предыдущих и объясняется нежеланием поэта жертвовать картиной, открывающейся в последующих строках:

И тонул он в воде, а, казалось, в сияньи
Золотого закатного солнца тонул.

Сейчас можно утверждать, что работа над африканскими стихами возобновилась еще в

Петрограде, в конце мая 1921 г., когда в разговорах с Павловым всплыла возможность осуществить их издание в Севастополе и рукопись «Шатра» была извлечена из ящика письменного стола. Гумилев подготовил ее еще в начале 1919 г., но теперь читал глазами совсем другого человека, все прошедшее время учившего молодых мастерству поэтического творчества. Приблизительности, длинноты, красивость, отвлечения от темы — все то, что Гумилев бескомпромиссно изгонял из стихов своих учеников, теперь требовало его собственного вмешательства. Работа велась на протяжении всей поездки. Гумилев ежедневно читал стихи окружающим, «обкатывая» их и одновременно проверяя впечатление на слушателях, которым он не мог произнести «прыгнул». Последнее вызвало бы смех, который для его самолюбия был страшнее пощечины.

Нет сомнения, что правка шла не по белой рукописи, которую поэт взял с собой, а тут же переносилась на новые листки, которые и были отданы в Севастополе в типографию. Менялись не только слова и строки — менялся характер и объем произведений. В первую очередь поэт избавлялся от подчеркнутой «географичности». Поэтому в севастопольском «Шатре» вместо «Сомалийского полуострова» появляются «Сомали», как название племени, а вместо «Дамара» (тоже название племени) — «Гот-

тентотская космогония», служившая прежде подзаголовком.¹

Наиболее ярко борьба с географичностью проявилась в «Судане», где из 104 первоначальных строк, сохранившихся в ревельском «Шатре», для севастопольского было взято только 39 первых, получивших самостоятельное звучание и усиленных неожиданным эффектом концовки, которая поначалу терялась в последующих картинах. Теперь нарастающая торжественность в описании силы и величия суданских королей нашла эффективное разрешение в том, как они почтительно поднимаются со своих тронов при виде проходящих французов — опереточные фигуры, приветствующие истинных владык страны...

В том, что работа шла, отталкиваясь от текста, воспроизведенного в ревельском издании, убеждает характер разночтений и в других стихотворениях, составивших севастопольский сборник. Каждое изменение здесь способствовало уточнению акцентов, прояснению образов и более энергичному развитию сюжета. Вот как это выглядит на конкретных примерах.

Из двенадцати стихотворений, составивших севастопольский «Шатер», полностью совпадают по объемам с ревельским изданием

¹ Еще раньше стихотворение называлось «Птица. Готтентотская космогония» (Н.Гумилев, БПБС, с.586).

«Вступление», «Галла», «Сомали», «Готтентотская космогония» и «Экваториальный лес». В них меньше всего стилистической правки. Так автор заменил «полчища воинов хмурых» Ш-22 на «воинов стройных и хмурых» Ш-21 («Вступление»); «там, внизу, в отдаленной равнине» на «там, далёко, в чуть видной равнине», «точно» на «словно», «все получишь ты вдруг, обещав принести» на «всё отыщешь ты, давши обет принести» («Галла»); «над высокими облаками» на «над багряными облаками» («Готтентотская космогония»). Другими словами, эти стихотворения Гумилев посчитал достаточно готовыми к печати. Единственный пример смысловой правки обнаруживается в «Сомали», и он снова подтверждает последовательность изменений, идущих от ревельского текста к севастопольскому. Так, если в ревельском варианте констатируются нападения воинов сомали на пришельцев в их страну —

Сколько белых пронзило во мраке копье
У песчаных колодцев ее,

Чтоб о подвигах их говорил Огаден
Голосами голодных гиен, —

то в севастопольском издании последние две строки, остающиеся загадочными для русского читателя, заменены другими, благодаря чему выявляется героический под-

текст в отношении «непреклонного белого человека» —

Но приходят они и сражаются тут,
Умирают и снова идут.

Стилистическая правка, подобная приведенной выше, встречается, практически, во всех стихотворениях сева­стопольского сборника, и при всем желании ее нельзя представить в обратном виде, то есть предположив первичное чтение в сева­стопольском «Шатре», а вторичное, окончательное — в ревельском. То же самое относится и к смысловым изменениям. Так в стихотворении «Красное море», наряду со стилистической правкой (вместо «на утесах твоих» — «на твоих берегах», «пусть волна как хрустальная станет гора» — «надувает волна за волной, как гора», «на обрывистый берег» — «из лесистых ущелий», «шум» — «гул», как того требует рифма, и пр.), из первоначального объема удалены три строфы (в III-22 — IV, VII, X), в одной из которых звучит побочная политическая тема (о захвате негров арабами), а две других откровенно описательны, повествуя о летучих рыбах и «бенгальских огнях» ночного свечения моря.

Сходную правку можно видеть и в стихотворении «Египет», о котором шла речь выше. Кроме уже указанных разночтений, здесь можно назвать и другие, показывающие

стремление Гумилева к максимальной точности слова в образной ткани стиха: вместо «как огромные древние чуда» — «словно дивные, древние чуда», «дымится вода» — «струится вода», «взор благосклонной Изиды» — «лик благосклонной Изиды» (поскольку речь идет о луне), «сегодняшним травам» — «сегодняшним звездам» (т. к. дается картина ночи), «Хедива» — «калифа», «другой» — «второй» и пр. Характерный пример смысловой правки двух последних строк открывается в VII строфе ревельского издания —

Но опомнись! Растут пирамиды
Пред тобою, черны и страшны,

что в севастопольском сборнике заменено на

Неужели хотят пирамиды
Посягнуть на покой вышины?

Весьма значительные сокращения этого стихотворения в севастопольской редакции (8 строф из 29 ревельского издания) отсекают все исторические реминисценции (об Аписе, александрийской школе, пирамидах и мумиях, Элефантине, строительстве Мемфисского храма, мистериях, Антонии и Клеопатре), оставляя лишь тот поэтический ряд, который поддерживает в читателе иллюзию непосредственного переживания момента.

Такой же правке подвергнута и «Сахара», однако здесь изъятию подпали в первую

очередь строфы (6 из 23), которые не вносили ничего существенного в развитие сюжета и вставляли некоторым препятствием на пути поэтического развития темы, идущей от конкретного пейзажа Сахары к глобальной панораме, —

Плещет Красное море, Персидский залив,
И глубоки снега на Памире,
Но ее океана песчаный разлив
До зеленой доходит Сибири, —

а затем, через переживание песчаной бури (изъятием строфы об «уходе хамсина» поэт достигает эффекта одновременности залитой солнцем Сахары и Сахары, взметнувшейся к небу океан песка, как двух ипостасей единого организма), — к утверждению Сахары в качестве явления космического порядка:

И когда, наконец, корабли марсиан
У земного окажутся шара...

В результате текст «Сахары» в севастопольском «Шатре» предстает не черновым наброском, а отточенным произведением искусства, освобожденным мастером от всего случайного и лишнего, где стилистическая правка, замена отдельных слов и неудачной рифмы (например, вместо «вышины» — «ровны» дается «высоты» — «чисты» и пр.) служат выявлению изначально заложенной идеи.

В «Абиссинии» при подготовке сева-стопольского издания Гумилев исключил только одну строфу (XVII в Ш-22), которая, будучи нейтральной, а, следовательно, необязатель-ной, разрывала динамику панорамы, именно в этом месте переходившей от изображения переднего и среднего планов

Павианы рычат средь кустов молочая,
Перепачкавшись в белом и липком соку,
Мчатся всадники, длинные копыта бросая,
Из винтовок стреляя на полном скаку, —

к завершающей картине:

И повсюду, вверху и внизу, караваны
Дышат солнцем и пьют неоглядный простор,
Уходя в до сих пор неоткрытые страны
За слоновою костью и золотом гор.

Здесь Гумилев произвел блистательную замену нейтрального «видят солнце» ревельского издания на активное «дышат солнцем» и, отказавшись от безразличного эпитета «неизвестные» (страны) в пользу «неоткрытые», подчеркнул тем самым момент волевого влечения к тайне.

По тем же, как мне представляется, причинам Гумилев исключил из первоначального текста «Либерии» две строфы (III и IV в Ш-22), посвященные «рыболовам из племени кру», которые не получали в последующем никакого развития.

Однозначность приведенных примеров, далеко не исчерпывающих всех различий, носящих аналогичный характер, свидетельствует, что сева­стопольский «Шатер» является не собранием черновых вариантов стихотворений на африканскую тему, а самостоятельной книгой, имевшей свою на­правленность и свой «подтекст». Более того, сравнение двух одноименных сборников открывает разность реализованных в них замыслов. Если ревельский «Шатер» по своему составу и характеру текстов полностью отвечает «географической» программе, намеченной осенью 1918 г., то сева­стопольское издание в результате целенаправленной работы автора приобрело подчеркнуто личностное звучание, благодаря чему вос­принималось читателями в качестве ретро­спективного поэтического дневника афри­канских путешествий Гумилева.

Поэт никого не мистифицировал. На титульном листе была указана дата написания стихов — 1918 год, однако сама идея подобной аранжировки уже имевшегося материала, скорее всего, была подсказана обстоя­тельствами его личной жизни, и вот почему.

За Гумилевым прочно закрепилась репу­тация поэта «экзотического», приверженного Африке и «африканской теме», что основано, скорее всего, на недоразумении и пренебрежении исследователями хронологией. В Африке поэт побывал четырежды. Первой была

кратковременная поездка в Египет в октябре 1908 г., после чего начались абиссинские экспедиции: в декабре 1909—январе 1910 гг., в октябре 1910—феврале 1911 гг., и в апреле — сентябре 1913 г. Однако до выхода севастопольского «Шатра» впечатления от Африки не заняли сколько-нибудь значительного места в его творчестве. Из 14 стихотворений, написанных до 1918 г., в которых присутствуют «африканские» сюжеты, половина («Гиена», «Ягуар», «Невеста льва», «Зараза», «Жираф», «Носорог», «Озеро Чад») приходится на 1907 г.,¹ то есть были написаны в Париже до первой поездки. Четыре последующие стихотворения — «Абиссинские песни» — явились откликом на изучавшийся Гумилевым абиссинский фольклор, так что подлинными реминисценциями африканских путешествий можно считать только три оставшихся стихотворения — «У камина» (сб. «Чужое небо»), «Африканская ночь» (сб. «Колчан») и «Эзбеки» (сб. «Костер»).

Иную картину дает «Шатер» 1921 г. Как я пытался показать выше, при переработке стихотворений для севастопольского издания Гумилев усиливал совершенно не свойственный ему ранее «эффект автобиографичности», то есть восприятия читателем стихотворения как факта биографии поэта. С полной силой это заявлено во «Вступлении»

¹ Н.Гумилев, БПБС, с.549-551.

(«Обреченный тебе, я поведаю...», «Дай за это дорогу мне торную...», «Дай назвать моим именем...», «Отойду я в селенья святыи...»), проходит наёмком в «Красном море» («Нам чужие созвездья...»), подробно раскрывается в «Абиссинии»:

Как любил я бродить по таким же дорогам,
Видеть вечером звезды, как крупный горох,
Выбегать на холмы за козлом длиннорогим,
По ночам зарываться в седеющий мох, —

обретая в заключении категорическую конкретность «музея этнографии в городе этом, Над широкой, как Нил, многоводной Невой», о котором поэт говорит:

Я хожу туда трогать дикарские вещи,
Что когда-то я сам издалека привез...

Подготовленный таким образом читатель, даже ничего ранее не знавший об авторе, уже как должное воспринимал следующее за «Абиссинией» стихотворение «Галла», открывающееся сообщением, что

Восемь дней из Харрара я вел караван
Сквозь Черчерские дикие горы
И седых на деревьях стрелял обезьян,
Засыпал средь корней сикоморы.

Такое же утверждение авторского присутствия мы видим в «Сомали» и в

«Экваториальном лесе», где заключительная строфа подводит итог не только стихотворению, но как бы и всему путешествию, о котором рассказывает книга:

Через год я прочел во французских газетах,
Я прочел и печально поник головой:
Из большой экспедиции к Верхнему Конго
До сих пор ни один не вернулся назад.

Наблюдения эти дают основание полагать, что для самого Гумилева сева­стопольский «Шатер» представлял нечто большее, чем очередной сборник стихов, объединенных африканской темой. Он превратил его в «личную» книгу, всемерно подчеркивая это обстоятельство, что для его творчества было совершенно несвойственно. Обычно поэт старался сохранить дистанцию между собой и своими стихами. Что побудило его нарушить это правило? Причину я вижу в посвящении сева­стопольского «Шатра» — «Памяти моего товарища в африканских странствиях Николая Леонидовича Сверчкова», — на которое не обратили должного внимания исследователи творчества поэта.

Гумилев был не щедр на посвящения и относился к ним, как, впрочем, и ко всему, что делал, чрезвычайно серьезно. В данном случае, отбирая и перерабатывая стихи 1918 года, он сознательно строил из них памятник своему спутнику в последнем

абиссинском путешествии, дорогому и близкому человеку, раннюю смерть которого тяжело пережил, потому что это был его племянник, сын его старшей сестры. Мысль посвятить умершему в 1919 г. «Коле-маленькому», как того называли в семье, свою новую книгу, связанную с их совместным путешествием, пришла Гумилеву, скорее всего, уже в Севастополе, во время печатания, и воплощена была по-царски, а точнее — по-гумилевски, так как под посвящение отошел целый лист — две страницы, на которых могло поместиться еще одно стихотворение. Правда, не обошлось без курьеза. Оставляя на титуле сборника дату — 1918 г., как год написания стихов, Гумилев, видимо, не сообразил, что в то время племянник его был еще жив и здесь явный анахронизм, показывающий, что на первоначальной рукописи «Шатра» подобного посвящения не было.

Можно утверждать, что по той же самой причине оно отсутствует и в ревельском издании, ибо совершенно невероятно предположить, что посветив погибшему племяннику сборник и подготовив, как полагают некоторые, «такой же, но более полный», Гумилев мог тут же снять свое посвящение. Для поэта подобный поступок был совершенно невозможен.

Во-вторых, и это достаточно любопытно, место, занимаемое посвящением в книге, дает

возможность заподозрить, что из-за него Гумилев призвел перестановки, изменив определившийся было состав сборника. Дело в том, что установленный принцип отбора стихов и работы с ними не может объяснить отсутствия в севастопольском «Шатре» стихотворения «Суэцкий канал», одного из наиболее блестящих и «дневниковых», которое находится в ревельском издании, а также стихотворения «Нигер». О последнем же достоверно известно, что из севастопольского «Шатра» его исключил сам Гумилев, причем речь идет о варианте «Посмертного сборника»,¹ резко отличного от текста ревельского «Шатра». С другой стороны, не менее трудно объяснить и присутствие в составе Ш-21 стихотворения «Дагомея», противоречащего изложенным выше принципам отбора и, к слову сказать, не лучшего из написанных Гумилевым.

Доказать взаимную обусловленность перечисленных фактов не составит труда, если мы обратим внимание на кодикологию севастопольского сборника. Он представляет собой брошюру в 1/32 долю листа на двух скрепках, состоящую из 12 сложенных вдвое листов, что дает 48 страниц. Первые две страницы занимает авантитул, последние две — список книг Н.С.Гумилева (с.47) и «Издания Цеха Поэтов»

¹ *Гумилев Н.* Стихотворения. Посмертный сборник. Изд. 2-е, дополненное. Пг., 1923, с.124.

(с.48), где среди «готовящихся книг» Н.Оцупа, Г.Иванова, О.Мандельштама, Вл.Павлова (флаг-секретаря Немитца) и других указаны вышедшими «Дракон. Сборник первый. Петроград» и «Н.Гумилев. Шатер. Севастополь». Помещение такого списка в книге еще раз подтверждает догадку, что в Крым поэт ехал с рукописями, чтобы выяснить на месте возможность их напечатания.

Титул «Шатра» занимает следующие (3 и 4) страницы, тогда как в конце книги им соответствует оглавление на с.45 (с.46 — пустая). Эти четыре листа — два в начале и два в конце — образуют как бы «обойму», внутри которой находятся стихи. Последние занимают, однако, страницы не 5-44, а только 7-42, так как еще один лист (с.5-6) занят посвящением, а соответствующий ему в конце (с.43-44) отдан под шмуцтитул оглавления, хотя само оглавление вместе с его колонтитулом (повторяющим шмуцтитул) находится на с.45.

Подобную ситуацию («два» оглавления, пустые страницы и пр.) при остром дефиците бумаги можно понять только в том случае, если уже после набора понадобилось освободить для посвящения страницы 5-6 (лист!) или еще и 6-ю страницу, тем самым сдвинув «Вступление» сначала на 6-ю, а затем и на 7-ю страницу, где оно и находится. При этом, чтобы не менять колонцифры всей книги, Гумилев, повидимому, решил сначала пожерт-

зовать «Суэцким каналом», который по логике содержания следовал за «Вступлением» и предварял «Красное море». Однако «Суэцкий канал» занимал не две полосы набора, а три, что в конечном счете потребовало отказа и от заключавшего сборник «Нигера». В свою очередь, это привело к необходимости заполнить освободившееся место «Дагомеей», как самым коротким стихотворением, чтобы завершающий теперь книгу «Экваториальный лес» заканчивался на четной странице. Освободившийся за ним лист (с.43-44) был превращен в шмуцтитул для оглавления, однако при этом с полосы набора на с.45 забыли снять ненужный теперь колонтитул, выдающий последовательность перестановок.

Наблюдения эти хорошо проверяются объемами стихотворений. Полоса набора севастьяпольского сборника вмещает 6 четырехстрочных строф со спуском для начала стихотворения в 2 строфы, что дает для размещения любого стихотворения (за исключением «Судана», напечатанного на двух страницах без спуска) формулу размещения строф $4+6+6+\dots$, так что «Суэцкий канал» (11 строф) и «Нигер» (15 строф переработанного варианта) должны были занимать 6 полос набора ($4+6+1$ и $4+6+5$), которые заняты теперь посвящением (2 полосы), «Дагомеей» (2 полосы) и шмуцтитулом оглавления (2 полосы).

Следы перестановки стихотворений в процессе переверстки проступают также и в ко-

лонцифрах. В севастопольском «Шатре» все нечетные колонцифры отнесены далеко от полосы набора к правому обрезу страницы, тогда как четные находятся под левым краем полосы набора. Исключением оказывается нечетная колонцифра 7 под «Вступлением», занимающая, как можно догадаться, место своей четной предшественницы, и свидетельствующая, что до этого «Вступление» занимало оборот листа с посвящением.

Так, в результате стечения разного рода обстоятельств, для читателей севастопольского «Шатра» оказались потеряны «Суэцкий канал» и «Нигер», судьба которого заслуживает того, чтобы на ней остановиться.

С «Нигером» читатели впервые познакомились в 1922 г., причем сразу в двух вариантах — в ревельском «Шатре» и в первом издании «Посмертного сборника».¹ Уже сравнение текстов могло убедить их (и позднейших исследователей), что ревельский вариант является изначальным, черновым, тогда как текст «Посмертного сборника» — последним авторским вариантом. Отсутствие его в Ш-22 однозначно решает и происхождение ревельской рукописи, которая — в случае ее подготовки Гумилевым в июле 1921 г. после возвращения с юга, — должна была содержать именно этот текст,

¹ Гумилев Н. Стихотворения. Посмертный сборник. Пг., 1922, с.11-13.

появившийся в результате кардинальной переработки первоначального, вошедшего в ревельский «Шатер».

Работа над «Нигером» началась с первых же строк. Поэт заменил «ненужную» (сетку долгот и широт) на «размеренную», «горсть» на «ряд», сравнение «розоватых рыл» бегемотов, о которых в ревельском варианте говорится, что они «точно сваи незримого чудомоста», на более точное, где они

Над водой, словно купы мясистых цветов...

Одновременно шла переработка целых строк и строф. Так слова о Нигере

И когда приближаешься ты к океану

были заменены более экспрессивным:

Дышишь полною грудью в лицо океану,

и т. п.

Для понимания общего хода работы поэта над стихотворением принципиально важна отсутствующая в ревельском варианте строфа, рождающая обобщенный образ реки и народа:

На тебе, словно бисер на яшмовом блюде,
Расписные, узорные пляшут ладьи,
И в ладьях величавые черные люди
Восхваляют благие деянья твои.

Она позволила поэту перейти от реального Нигера к его изображению на географической карте:

Ты, как бог этих стран, благодушен и редко
Выше облака пенные взносишь холмы,
И тебя-то простой виноградною веткой
Напечатать на картах осмелились мы!

Так стали возникать новые контуры поэтической карты, заставляя все более полно перерабатывать прежние строфы. Вместо

Это край металлических странных богов
возникает

Это край позабытых железных богов
с последующим изменением риторического
«кто зарыл их...?» на более энергичное «Что
валяются в грозных ущельях Бенина...», совершенно
меня смысл и акценты. То же можно видеть и в
следующей строфе, где вместо

На атлас положу я большой изумруд,
Здесь богаты деревни, привольна охота,
Здесь свободные люди, как птицы, поют —

возникает иная картина, проникнутая внутренней динамикой:

Шерсть пантеры и пулю я рядом нашью,
Здесь прекрасны сраженья, привольны охоты,
Хорошо здесь скитаться копьём и ружьём.

Но, конечно, венцом нового варианта остаются пять заключительных, заново написанных стрóf, где «сердце Африки, город чудес, Тимбукту» обретает мировое значение, — блестящая концовка, в которой поэт замыкает круг, возвращаясь к «географическому» зачину, и которую только по недоразумению можно считать искажением первоначального замысла:

Я создам эту карту, и верно поэты —
Это город поэтов и пальм, Тимбукту —
Лунной ночью почувствуют тайно, что где-то
Звон их лютней ответную будит мечту.

Стоит ли доказывать, насколько новая заключительная строфа глубже и совершеннее той, что завершает «Нигер» в ревельском варианте:

Сердце Африки пеня полно и пыланья,
И я знаю, что, если мы видим порой
Сны, которым найти не умеем названья,
Это ветер приносит их, Африка, твой!

Такой вариант завершения «Нигера» в ревельском издании стал строфой, одновременно подводившей и некую итоговую черту под всей «поэтической географией» Африки, как была задумана эта книга в 1918 г. Переработанный же для севастопольского издания «Нигер», известный по тексту «Посмертного сборника», незаметно перерос в совершенно

самостоятельное произведение, которому — к сожалению — не нашлось места в этом «африканском дневнике».

Теперь, когда последовательность работы над стихами и сева­стопольским сборником в целом уже не содержит загадок, можно попытаться выяснить причину возникшей путаницы. Вначале ее источником я полагал заметку в журнале «Новая русская книга», где сообщалось, что книгоиздательство «Библиофил» «возникло в августе 1921 г. в Ревеле (подчеркнуто мною. — А.Н.) со специальной целью печатать беллетристические произведения авторов, находящихся в Советской России. Организатором этого предприятия был эстонский консул в Петербурге Альб[ерт] Георг[иевич] Орг. В правление издательства вошли Г.И.Линдквист, Б.Л.Маковский, Гуткин, Б.Ю.Линде. Издательством были приобретены в Петербурге произведения Сологуба, Ремизова, Амфитеатрова, Н.-Данченко, Гумилева, Дорошевича, Мар.Шагинян, Шипкова. Часть рукописей (около 18, в том числе рукописи Ремизова, Дорошевича, Шипкова) при провозе их в Эстонию были забраны на границе Ямбургской ЧК. Рукописи эти до сих пор не возвращены, и судьба их неизвестна. До сих пор вышли: две книги Ремизова «Шумы города» и «Огненная Россия», Гумилева «Шатер», Амфитеатрова «Зачарованная степь», Евреинова

«Самое главное», Немировича-Данченко «На кладбищах (воспоминания)».¹

Однако, отсюда нельзя извлечь утверждения, что рукопись «Шатра» приобретена у самого поэта и была единственной гумилевской рукописью в портфеле издательства. Наоборот, указание на возникновение издательства «Библиофил» в августе 1921 г. в Ревеле, когда Гумилев уже находился в тюрьме, делает такое предположение весьма сомнительным. Из этого я мог заключить, что Г.П.Струве опирался на другой источник — очерк В.И.Немировича-Данченко о Гумилеве, опубликованный в 1924 г. в журнале «Воля России» и перепечатанный уже в наши дни в сборнике воспоминаний о поэте. Автор сообщал, что «почти накануне его (Гумилева. — А.Н.) неожиданного ареста... он (т.е. Гумилев. — А.Н.) был у него, чтобы поведаться с г.Оргом, тогда главою эстонской миссии в России. Орг в то время был представителем только что образовавшегося книгоиздательства в Ревеле «Библиофил». Н[иколай] С[тепанович] продал ему новые стихотворения (подчеркнуто мною. — А.Н.) и, покончив с условиями по этому поводу, заторопился в дом Мурузи на Литейную, где он должен был открыть новый кружок поэтов».²

¹ «Новая русская книга», Берлин, 1922, N 1, с.36.

² «Николай Гумилев в воспоминаниях современников», с.231 и 310.

Страницей ниже Немирович-Данченко признается, что некоторое время его «мучило: не послужило ли поводом к аресту Гумилева устроенное мною знакомство его с Оргом и предполагавшееся печатание поэм (подчеркнуто мною. — А.Н.) Николая Степановича в Ревеле». ¹

Свидетельство, на первый взгляд, неопровержимое. Но вот, что бросается в глаза. Мемуарист совершенно определенно пишет о «новых стихотворениях» (тогда как «Шатер» был написан в 1918 г. и только что напечатан) и даже «поэмах», которые «предполагалось печатать в Ревеле», из чего можно понять, что и к 1924 г. они не были там напечатаны. Что же касается «новых стихотворений», последнее можно отнести только к сборнику «Посредине странствия земного», над которым, в отличие от «Шатра», поэт действительно работал в июле 1921 г. Сборник этот так и не увидел света в России, хотя был объявлен в последнем августовском номере «Жизни искусства» 1921 г. Вышел он только в 1923 г. в Берлине под названием «К Синей звезде». Кто и когда его туда передал, до сих пор не выяснено. Наличие в архиве поэта (РГАЛИ, ф.147, оп.1, ед.хр.8) машинописного дубликата берлинского издания позволило М.Д.Эльзону предположить, что

¹ Там же, с.232.

«после смерти Гумилева осталась рукопись готовой книги»,¹ право на издание которой он, повидимому, и собирался уступить «Библиофилу».

Именно поэтому я полагаю возможным говорить только о намерении Гумилева, так как хотя у Немировича-Данченко и написано, что поэт «продал» А.Г.Оргу «новые стихотворения», в действительности была достигнута лишь предварительная договоренность («покончив с условиями по этому поводу...»). Да и вряд ли можно думать, что на первую встречу с незнакомым ему человеком, ничего не зная о его намерениях и условиях, поэт принес уже готовую рукопись. Неопределенность проступает и в словах мемуариста, говорящего то о «новых стихотворениях», то о «поэмах», к печати только «предполагавшихся». На квартире Немировича-Данченко произошло знакомство и была достигнута договоренность о сделке, которая так и не состоялась из-за ареста Гумилева.

У кого и какие рукописи Гумилева получил тогда А.Г.Орг? Пока об этом остается только гадать. Отсутствие в архиве поэта дубликата первоначальной рукописи «Шатра» делает одинаково вероятной как версию о передаче ее близкими поэта эстонскому представителю, так и покупку им этой ру-

¹ Н.Гумилев, ВПБС, с.538.

кописи у В.А.Павлова, тесно связанного именно в это время с окружением Гумилева и находившегося тогда в Петрограде. Впрочем, после того, как выяснено отношение ревельского текста «Шатра» к севастопольскому, происхождение ревельского оригинала представляется уже не столь существенным. Сам я полагаю, что это был экземпляр Павлова — единственная рукопись «Шатра» 1918 г., без которой поэт не мог отправиться в поездку на юг, и вот почему.

Все, кто знал Гумилева в тот период, отмечают, что поэт чрезвычайно дорожил своим временем и мог принять приглашение «прокатиться» на целый месяц только в том случае, если был уверен в возможности издания своей книги, а вероятнее всего — еще и других рукописей. Указание на обложке севастопольского сборника «Цеха Поэтов», не имевшего никакого отношения к Севастополю, а на последней странице — перечня планируемых к изданию книг, позволяет думать, что в Крым Гумилев отправился, чтобы выяснить возможность печатания там перечисленного, причем ехал не с пустыми руками. Но в Крыму с бумагой оказалось еще хуже, чем в Петрограде, и только прямое содействие Немитца и Павлова позволило достать какое-то ее количество, чтобы напечатать «Шатер» хотя бы небольшим тиражом, столь малым, что цифра его так и не была обозначена в

выходных данных. Это же обстоятельство заставило Гумилева произвести максимальные сокращения в его объеме.

Наконец, в этой рукописи не было посвящения Н.Л.Сверчкову.

Теперь, когда расставлены все «точки над і» и выяснен источник ошибочного утверждения Г.П.Струве, которое было принято на веру отечественными исследователями и публикаторами, можно подвести итоги.

Мне представляется несомненным, что Гумилев выехал в Севастополь, соблазненный предложением В.А.Павлова наладить там печатание изданий «Цеха Поэтов», с первоначальной рукописью сборника «Шатер», над стихами которого он работал на протяжении всего пути, создавая новую рукопись для набора. По получении первых экземпляров книги, поэт подарил изначальную рукопись Павлову, который и вернулся с нею в Петроград. Ее дальнейшая судьба представляется мне в следующем виде.

При свидании с Оргом на квартире Немировича-Данченко Гумилев, как можно полагать, не только договорился о финансовой стороне дела, но и получил какую-то сумму денег, которая уже не могла быть возвращена после его ареста. (Не эти ли деньги были обнаружены у него при аресте и обыске и объявлены предназначавшимися для приобретения оружия?). Больше того, бумаги и квартира Гумилева, скорее всего,

были опечатаны, поэтому для погашения долга друзьями поэта наиболее естественно было использовать принадлежащую Павлову рукопись «Шатра», представлявшуюся более цельной и полной по сравнению с уже вышедшей книгой. Этим объясняется и отсутствие в ревельском издании окончательного варианта «Нигера».

Сравнительный анализ текста двух сборников однозначно показывает, что изменения шли от протографа, известного нам по ревельскому изданию 1922 года через журнальные публикации 1919-1920 гг. к сева­стопольскому «Шатру», но никак не обратно. Поэтому последней авторской редакцией стихотворений «Шатра» следует считать сева­стопольское издание 1921 г., чьи тексты отныне должны заменить в изданиях Н.С.Гумилева тексты ревельского — первоначального — варианта, где самостоятельное значение (как окончательный вариант) имеют тексты «Суэцкого канала», «Мадагаскара» и «Замбези», которые вместе с «Нигером» (по тексту «Посмертного сборника») должны занять свое место в разделе стихотворений, не публиковавшихся при жизни автора. Что касается остальных стихотворений состава ревельского «Шатра», то они имеют право на воспроизведение исключительно в качестве вариантов и разночтений.

Ниже приводится текст «Шатра» по сева­стопольскому изданию 1921 г., а в До-

полнениях — выпущенные при переверстке стихотворения «Суэцкий канал» и «Нигер» (последний — по 2-му изданию «Посмертного сборника»). Считаю необходимым подчеркнуть, что наличие большого количества опечаток в тексте сева­стопольского издания, с одной стороны, и отсутствие многих знаков пунктуации — с другой, делает бессмысленным попытку репринтирования оригинала, и публикатор берет на себя ответственность за все те «разночтения», которые обнаружит дотошный читатель, сравнивая издание 1921 г. с его нынешним (первым) воспроизведением.

Андрей Никитин

Н. ГУМИЛЕВ

ШАТЕР

Стихи 1918 г.

СЕВАСТОПОЛЬ

*Памяти
моего товарища
в африканских странствиях
Николая Леонидовича
СВЕРЧКОВА*

ВСТУПЛЕНИЕ

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламень и дымы,
О тебе, моя Африка, шепотом
В небесах говорят серафимы.

И твое открывая Евангелье,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думают ангеле,
Что приставлен к тебе, безрассудной.

Про деянья свои и фантазии,
Про звериную душу послушай,
Ты, на дереве древнем Евразии
Исполинской висящая грушей.

Обреченный тебе, я поведаю
О вождах в леопардовых шкурах,
Что во мраке лесов за победою
Водят воинов, стройных и хмурых.

О деревнях с кумирами древними,
Что смеются усмешкой недоброй,
И о львах, что стоят над деревнями
И хвостом ударяют о ребра.

Дай за это дорогу мне торную
Там, где нету пути человеку,
Дай назвать моим именем черную,
До сих пор не открытую реку.

И последняя милость, с которою
Отойду я в селенья святые,
Дай скончаться под той сикоморою,
Где с Христом отдыхала Мария.

КРАСНОЕ МОРЕ

Здравствуй, Красное Море, акуля уха,
Негритянская ванна, песчаный котел!
На твоих берегах, вместо влажного мха,
Известняк, как чудовищный кактус, расцвел.

На твоих островах в раскаленном песке,
Позабыты приливом, растущим в ночи,
Умирают страшилища моря в тоске —
Осьминоги, тритоны и рыбы-мечи.

С африканского берега сотни пирог
Отплывают и жемчуга ищут вокруг,
И стараются их отогнать на восток
С аравийского берега сотни фелук.

Как учитель среди шалунов, иногда
Океанский проходит меж них пароход:
Под винтом снеговая клокочет вода,
А на палубе красные розы и лёд.

Ты бессильно над ним. Пусть ревет ураган,
Набухает волна за волной, как гора,
Лишь и будет, что скажет, вздохнув, капитан:
«Слава Богу свежо, надоела жара!»

Блещет воздух стеклянный, налитый огнем,
И лучи его сыпятся, словно цветы.
Море, Красное Море, ты царственно днем,
Но ночами еще ослепительней ты.

Только в небо скользнут водяные пары
Тени черных русалок мелькнут на волнах,
Нам чужие созвездья — кресты, топоры,
Над тобой загорятся в небесных садах.

Из лесистых ущелий приходят слоны,
Чутко слушая волн набегающих гул,
Обожать отраженье ущербной луны,
Подступают к воде и боятся акул.

И когда выступает луна на зенит,
Вихрь проносится, запахи моря тая, —
От Суэца до Баб-эль-Мандеба звенит,
Как Эолова арфа, поверхность твоя.

И ты помнишь, как, только одно из морей,
Ты когда-то исполнило Божий закон,
Ты раздвинуло цепкие руки зыбей,
Чтоб прошел Моисей и погиб Фараон.

ЕГИПЕТ

Как картинка из книжки старинной,
Услаждавшей мои вечера,
Изумрудные эти равнины
И раскидистых пальм веера.

И каналы, каналы, каналы,
Что несутся вдоль глиняных стен,
Орошая Дамьетские скалы
Розоватыми брызгами пен.

И такие смешные верблюды
С телом рыб и с головками змей,
Словно дивные, древние чуда
Из глубин пышноцветных морей.

Вот каким ты увидишь Египет
В час божественный трижды, когда
Солнцем день человеческий выпит
И, колдуя, струится вода.

Это лик благосклонной Изиды
Или пламя встающей луны?
Неужели хотят пирамиды
Посягнуть на покой вышины?

Сфинкс улегся на страже святыни
И с улыбкой глядит с высоты,
Ожидая гостей из пустыни,
О которых не ведаешь ты.

Но довольно! Ужели ты хочешь
Вечно жить среди минувших усад,
И не рад ты сегодняшней ночи
И сегодняшним звездам не рад?

Не обломок старинного крипта
Под твоей, зазвеневший, ногой,
Есть другая душа у Египта
И торжественный праздник другой.

Словно пестрая Фата-Моргана
Виден город, над городом свет;
Над мечетью султана Гассана
Протыкает луну минарет.

На широких и тихих террасах
Чешут женщины золото кос,
Угощая подруг темноглазых
Имбирем и вареньем из роз.

Шейхи молятся, строги и хмуры,
И лежит перед каждым Коран,
Где персидские миниатюры —
Словно бабочки сказочных стран.

А поэты скандируют строфы,
Развалившись на мягкой софе
Пред кальяном и огненным кофе
Вечерами в прохладных кафе.

Здесь недаром страна сотворила
Поговорку, прошедшую мир:
— Кто испробовал воду из Нила
Будет вечно стремиться в Каир.

Пусть хозяева здесь англичане,
Пьют вино и играют в футбол,
И калифа в высоком Диване
Уж не властен святой произвол.

Пусть! Но истинный царь над странкою
Не араб и не белый, а тот,
Кто с сохой или с бороною
Черных буйволов в поле ведет.

Пусть ютится он в доме из ила,
Умирает, как звери в лесах,
Он — любимец священного Нила
И его современник — феллах.

Для него ежегодно разливы
Этих рыжих всклокоченных вод
Затопляют богатые нивы,
Где тройную он жатву берет.

И его охраняют пороги
Полосой острогрудых камней
От внезапной полночной тревоги,
От коротких нубийских мечей.

А ведь знает и коршун бессонный:
Вся страна — это только река,
Окруженная рамкой зеленой
И второй — золотой — из песка.

Если аист какой-нибудь близко
Поселится на поле твоём,
Напиши по-английски записку
И ему привяжи под крылом.

И весной, на листе эвкалипта,
Если аист вернется назад,
Ты получишь привет из Египта
От веселых феллашских ребят.

САХАРА

Все пустыни от века друг другу родны,
Но Аравия, Сирия, Гоби —
Это лишь затиханье Сахарской волны,
В сатанинской воспрянувшей злобе.

Плещет Красное Море, Персидский Залив,
И глубоки снега на Памире,
Но ее океана песчаный разлив
До зеленой доходит Сибири.

Ни в прохладе лесов, ни в просторе морей,
Ты в одной лишь пустыне на свете
Не захочешь людей и не встретишь людей,
А полюбишь лишь солнце да ветер.

Солнце клонит лицо с голубой высоты
И лицо это девственно-юно,
И, как струи пролитого солнца, чисты
Золотые песчаные дюны.

Блещут скалы, темнеют под ними внизу
Древних рек каменистые ложа;
На покрытое волнами море в грозу,
Ты промолвишь, Сахара похожа.

Но взглядишь, эта вечная слава песка —
Только горнего отсвет пожара:
С небесами, где легкие спят облака,
Бродят радуги, схожа Сахара.

Буйный ветер — в пустыне второй властелин.
Вот он мчится порывами, точно
Средь высоких холмов и широких равнин
Дорогой иноходец восточный.

И чудовищных пальм вековые стволы —
Стены праха поднялись и пухнут,
Выгибаясь, качаясь, проходят среди мглы...
Тайно веришь — вовеки не рухнут!

Но мгновенье... отстанет и дрогнет одна,
И осядет песчаная груды:
Это значит, в пути натолкнулась она
На ревущего в страхе верблюда.

И стоит караван, а его проводник
Всюду посохом шарит в тревоге:
Где-то около плещет знакомый родник,
Но к нему он не знает дороги...

А в оазисе слышится ржанье коня
И разносится веянье нарда,
Хоть редки острова в океане огня,
Словно пятна на шкуре гепарда.

Здесь так часто шумит оглушительный бой,
Блещут копья и веют бурнусы:
Туарегов, что западной правят страной,
На востоке не любят тиббусы.

И пока они бьются за пальмовый лес,
За коня иль улыбку рабыни,
Их родную Тибести, Мурзук, Гадамес
Заметают пески из пустыни.

Потому что пустынные ветры горды
И не знают преград своеволью —
Рушат стены, ломают деревья, пруды
Засыпают белеющей солью.

И, быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш, зеленый и старый,
Жадно ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.

Средиземное море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,
И мы будем в небесные верить огни
На верблюдах своих, бедуины.

И когда, наконец, корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя: Сахара.

СУДАН

Ах, наверно, сегодняшним утром
Слишком громко звучат барабаны,
Крокодильей обтянуты кожей,
Слишком громко взывают колдуньи
На утесах Нубийского Нила,
Потому что сжимается сердце,
Лоб горяч и глаза потемнели;
И в мечтах оживленная пристань,
Голоса загорелых матросов,
В белой пене зеленое море,
А за ним сикоморы Дарфура,
Галереи-леса Кордофана
И спокойные воды Борну.

Города, озаренные солнцем,
Словно клады в зеленых трущобах,
А над ними, как черные руки,
Минареты возносятся к небу;
И на тронах из кости слоновой
Восседают, как дикие бреды,
Короли и владыки Судана.
Рядом с каждым, прикованный цепью,
Лев прищурился, голову поднял
И с усов лижет кровь человечью;
Рядом с каждым возносит секиру
Черный, словно душа властелина,
В ярко-красной одежде палач.

Перед ними торговцы рабами
Свой товар горделиво проводят:
Стонут женщины в тяжких колодках
И зрочки их сверкают на солнце.
Проезжают вожди из пустыни
В драгоценных зеленых тюрбанах —
Перья длинные страуса вьются
Над затылком коней золотистых.
И спокойно проходят французы:
Гладко выбриты, в белой одежде,
В их карманах бумаги с печатью,
И пред ними владыки Судана
Поднимаются с тронов своих.

АБИССИНИЯ

I

Между берегом буйного Красного моря
И Суданским таинственным лесом видна,
Разметавшись среди четырех плоскогорий,
С отдыхающей львицею схожа страна.

Север — это болота без дна и без края,
Змеи черные подступы к ним стерегут,
Их сестер-лихорадок зловещая стая
Желтолицая, здесь обрела свой приют.

А над ними нахмурились дикие горы,
Вековая обитель разбоя, Тигрэ,
Где оскалены бездны, взъерошены боры
И вершины стоят в снеговом серебре.

В плодоносной Амхаре и сеют и косят,
Зебры любят мешаться в домашний табун,
И под вечер прохладные ветры разносят
Звуки песен гортанных и рокоты струн.

Абиссинец поет, и рыдает багана,
Воскрешая минувшее, полное чар:
Было время, когда перед озером Тана
Королевской столицей вносился Гондар.

Под платанами спорил о Боге ученый,
Вдруг пленяя толпу благозвучным стихом,
Живописцы писали царя Соломона
Меж царицею Савской и ласковым львом.

Но, поверив шоанской искательной лести,
Из старинной отчизны поэтов и роз,
Мудрый слон Абиссинии, Негус Негести,
В каменистую Шоа свой трон перенес.

В Шоа воины сильны, свирепы и грубы,
Курят трубки и пьют опьяняющий тэдж,
Любят слышать одни барабаны и трубы,
Мазать маслом ружье, да оттачивать меч.

Харраритов, галла, сомали, данакилей,
Людоедов и карликов в чаще лесов
Своему Менелику они покорили,
Устелили дворец его шкурами львов.

И, смотря на утесы у горных подножий,
На дубы и огромных небес торжество,
Европеец дивится, как странно похожи
Друг на друга народ и отчизна его.

II

Колдовская страна! Ты на дне котловины
Задыхаешься, солнце палит с высоты,
Над тобою разносится крик ястребиный,
Но в сияньи заметишь ли ястреба ты?

Пальмы, кактусы, в рост человеческий травы.
Слишком много здесь этой паленой травы!
Осторожнее! В ней притаились удавы,
Притаились пантеры и рыжие львы.

По обрывам и кручам дорогой тяжелой
Поднимись, и неожиданно увидишь вокруг
Сикоморы и розы, веселые села
И широкий, народом пестреющий луг.

Здесь колдун совершает привычное чудо,
Там, покорна напеву, танцует змея.
Кто сто талеров взял за больного верблюда,
Сев на камне в тени, разбирает судья.

Поднимись еще выше: какая прохлада!
Словно поздней осенью, пусты поля,
На рассвете ручьи замерзают, и стадо
Собирается в кучи под кровлю жилья.

Павианы рычат средь кустов молочая,
Перепахавшись в белом и липком соку,
Мчатся всадники, длинные копья бросая,
Из винтовок стреляя на полном скаку.

И повсюду, вверху и внизу, караваны
Дышат солнцем и пьют неоглядный простор,
Уходя в до сих пор неоткрытые страны
За слоновью костью и золотом гор.

Как любил я бродить по таким же дорогам,
Видеть вечером звезды, как крупный горох,
Выбегать на холмы за козлом длинноногим,
По ночам зарываться в седеющий мох...

.....

Есть музей этнографии в городе этом
Над широкой, как Нил, многоводной Невой,
В час, когда я устану быть только поэтом,
Ничего не найду я желанней его.

Я хожу туда трогать дикарские вещи,
Что когда-то я сам издалека привез,
Слышать запах их странный, родной и зловещий,
Запах ладана, шерсти звериной и роз.

И я вижу, как южное солнце пылает,
Леопард, изогнувшись, ползет на врага,
И как в хижине дымной меня поджидает
Для веселой охоты мой старый слуга.

ГАЛЛА

Восемь дней из Харрара я вел караван
Сквозь Черчерские дикие горы,
И седых на деревьях стрелял обезьян,
Засыпал средь корней сикоморы.

На девятую ночь я увидел с горы —
Эту ночь никогда не забуду —
Там, далеко, в чуть видной равнине, костры,
Точно красные звезды повсюду.

И помчались одни за другими они,
Словно тучи в сияющей сини —
Ночи трижды святы и яркие дни
На широкой галлаской равнине.

Всё, к чему приближался навстречу я, тут
Было больше, чем видел я раньше:
Я смотрел, как огромных верблюдов пасут
У широких прудов великанши;

Как саженого роста галласы, скача
В леопардовых шкурах и львиных,
Убегающих страусов рубят сплеча
На горячих конях-исполинах;

И как поят парным молоком старики
Умиравших змей престарелых;
И, мыча, от меня убегали быки,
Никогда не выдавшие белых.

Вечерами я слышал у входа пещер
Звуки песен и бой барабанов,
И тогда мне казалось, что я — Гулливер,
Позабутый в стране великанов.

И таинственный город, тропический Рим,
Шейх-Гуссейн я увидел высокий,
Поклонился мечети и пальмам святым,
Был допущен пред очи пророка.

Жирный негр восседал на персидских коврах
В полутемной неубранной зале
Точно идол — в браслетах, серьгах и перстнях,
Лишь глаза его дивно сверкали.

Я склонился, он мне улыбнулся в ответ,
По плечу меня с лаской ударя;
Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя.

Все расспрашивал он, много ль знают о нем
В отдаленной и дикой России.
Вплоть до моря он славен своим колдовством
И дела его точно благие:

Если мула в лесу ты не можешь найти
Или раб убежал беспокойный,
Всё отыщешь ты, давши обет принести
Шейх-Гуссейну подарок пристойный.

СОМАЛИ

Помню ночь и песчаную помню страну,
И на небе так низко луну,

И я помню, что глаз я не мог отвести
От ее золотого пути.

Там светло и, наверное, птицы поют,
И цветы над прудами цветут;

Там не слышно, как бродят свирепые львы,
Наполняя рыканием рвы;

Не хватают мимозы колючей рукой,
Проходящего в бездне ночной...

В этот вечер, лишь тени кустов поползли,
Подходили ко мне сомали.

Вождь их с рыжею шапкой косматых волос
Смертный мне приговор произнес,

И насмешливый взор из-под спущенных век
Видел, сколько со мной человек.

Завтра бой, беспощадный, томительный бой
С завывающей черной толпой,

Под ногами верблюдов сплетение тел,
Дождь отравленных копий и стрел...

И до боли я думал, что там, на луне,
Враг не мог бы подкрасться ко мне.

Ровно в полночь я мой разбудил караван.
За холмом грохотал океан.

Люди гибли в пучине, и мы на земле
Тоже гибели ждали во мгле.

Мы пустились в дорогу. Дышала трава,
Точно шкура вспотевшего льва,

И белели средь черных, священных камней
Вороха черепов и костей.

В целой Африке нету грозней сомали,
Безотраднее нет их земли;

Сколько белых пронзило во мраке копье
У песчаных колодцев её!

Но приходят они и сражаются тут,
Умирают и снова идут.

И когда перед утром склонилась луна,
Уж не та, а страшна и красна,

Понял я, что она, словно рыцарский щит,
Вечной славой героям горит,

И верблюдов велел положить, и ружью
Вверил вольную душу мою.

ГОТТЕНТОТСКАЯ КОСМОГОНИЯ

Человеку грешно гордиться,
Человека ничтожна сила.
Над землею когда-то птица
Человека сильней царила.

По утрам выходила рано
К берегам крутым океана
И глотала целые скалы,
Острова целиком глотала.

А священными вечерами
Над багряными облаками
Поднимая голову, пела,
Пела Богу про Божье дело.

А ногами чертила знаки,
Те, что знают в подземном мраке:
Всё, что будет, и всё, что было,
На песке ногами чертила.

И была она так прекрасна,
Так чертила, пела согласно,
Что решила с Богом сравниться
Неразумная эта птица.

Бог, который весь мир расчислил,
Угадал ее злые мысли
И обрек ее на несчастье —
Разорвал ее на две части.

И из верхней части, что пела,
Пела Богу про Божье дело,
Родились на свет готтентоты
И поют, поют без заботы.

А из нижней, чертившей знаки,
Те, что знают в подземном мраке,
Появились на свет бушмены,
Украшают знаками стены.

А те перья, что улетели
Далеко в океан, доселе
К нам плывут, как белые люди,
И, когда их довольно будет,

Вновь срастутся бывшие части
И опять изведают счастье —
В белых перьях большая птица
На своей земле воцарится.

ДАГОМЕЯ

Царь сказал своему полководцу: «Могучий,
«Ты велик, точно слон, повелитель лесов.
«Но ты все-таки ниже наваленной кучи
«Отсеченных тобой человеческих голов.

«Ожерелий, колец с дорогими камнями
«Я недавно отправил тебе караван,
«Но ты больше побед одержал над врагами,
«На груди твоей больше заслуженных ран.

«И как доблесть твоя, о единственный воин,
«Так и милость моя не имеет конца.
«Видишь солнце над морем? Иди, ты достоин
«Быть слугой моего золотого отца!»

Барабаны забили, защелкали бубны,
Исступленные люди завыли вокруг,
Амазонки запели протяжно, и трубный
Прокатился по морю от берега звук.

Полководец царю поклонился в молчаньи
И с утеса в бурливое море скакнул,
И тонул он в воде, а казалось — в сияньи
Золотого закатного солнца тонул.

Оглушали его барабаны и крики,
Ослепляли соленые брызги волны...
Он исчез. И светилось лицо у владыки,
Словно черное солнце подземной страны.

ЛИБЕРИЯ

Берег Верхней Гвинеи богат
Мёдом, золотом, костью слоновой.
За оградю каменных гряд
Всё пришельцу нежданно и ново.

По болотам блуждают огни,
Черепаша грузнее утеса,
Клювоносы таятся в тени
Своего исполинского носа.

В восемнадцатом веке сюда
Лишь за деревом черным, рабами,
Из Америки плыли суда
Под распущенными парусами.

И сюда же на каменный скат
Пароходов толпа быстроходных
В девятнадцатом веке назад
Привезла не рабов, а свободных.

Видно поняли нрав их земли
Вашингтонские старые девы,
Что такие плоды принесли
Благонравных брошюрок посевы.

Адвокаты, доценты наук,
Пролетарии, нищие, воры, —
Все, что нужны в республике, вдруг
С гиком ринулись в тихие горы.

Расселились. Тропический лес,
Утонувший в таинственном мраке,
В сонм своих бесконечных чудес
Принял дамские шляпы и фраки.

— Господин президент, ваш слуга! —
Вы с поклоном промолвите быстро.
Но, взгляните, черней сапога
Господин президент и министры.

— Вы сегодня бледней, чем всегда, —
Позабывшись, вы скажете даме,
И что дама ответит тогда,
Догадайтесь, пожалуйста, сами.

То повиснув на тонкой лозе,
То скрываясь средь листьев узорных,
В темной чаще живут шимпанзе
По соседству от города черных.

По утрам, услышав с высоты
Протестантское пенье во храме,
Как в большой барабан, в животы
Ударяют они кулаками.

А когда загорятся огни,
Внемля фразам вечерних приветствий,
Тоже парами бродят они,
Вместо тросточек выломав ветви.

Европеец один уверял,
Президентом за что-то обижен,
Что большой шимпанзе потерял
Путь назад среди окраинных хижин.

Он не струсил и, пестрым платком
Подвязав свой живот волосатый,
В президентский отправился дом —
Президент отлучился куда-то.

Там размахивал палкой своей,
Бил посуду, шатался, как пьяный,
И, не узнана, целых пять дней
Управляла страной обезьяна.

ЭКВАТОРИАЛЬНЫЙ ЛЕС

Я поставил палатку на каменном склоне
Абиссинских, сбегающих к западу гор,
И недели смотрел, как пылают закаты
Над зеленою крышей далеких лесов.

Прилетали оттуда какие-то птицы
С изумрудными перьями в длинных хвостах,
По ночам выбегали веселые зебры —
Мне был слышен их храп и удары копыт.

И однажды закат был особенно красен,
И особенный запах летел от лесов;
И к палатке моей подошел европеец,
Исхудалый, небритый, и есть попросил.

Вплоть до ночи он ел, неумело и жадно,
Клал сардинки на мяса сухого ломоть,
Как пилюли проглатывал кубики магги
И в абсент добавлять отказался воды.

Я спросил, почему он так мертвенно бледен,
Почему его руки сухие дрожат,
Как листы? — «Лихорадки великого леса», —
Он ответил и с ужасом глянул назад.

Я спросил про большую открытую рану,
Что сквозь тряпки чернела на впалой груди,
Что с ним было? — «Горилла великого леса», —
Он сказал, и не смел оглянуться назад.

Был с ним карлик, мне по пояс, голый и черный.
Мне казалось, что он не умел говорить:
Точно пес он сидел за своим господином,
Положив на колени бульдожье лицо.

Но когда мой слуга подтолкнул его в шутку,
Он оскалил ужасные зубы свои
И потом целый час волновался и фыркал,
И раскрашенным дротиком бил по земле.

Я постель предоставил усталому гостю,
Лег на шкурах пантер, но не мог задремать,
Жадно слушая длинную дикую повесть —
Лихорадочный бред пришлеца из лесов.

Он вздыхал: «Как темно! Этот лес бесконечен,
«Не увидать нам солнца уже никогда!
«Пьер, дневник у тебя на груди под рубашкой?
«Лучше жизнь потерять нам, чем этот дневник!

«Почему нас оставили черные люди?
«Горе! Компасы наши они унесли!
«Что нам делать? Не видно ни зверя, ни птицы,
«Только шорох и посвист вверху и внизу.

«Пьер, ты видишь костры? Там, наверное, люди!
«Неужели же мы наконец спасены?
«Это карлики... сколько их, сколько собралось...
«Пьер, стреляй! На костре чужья нога!

«В рукопашную! Помни, отравлены стрелы!
«Бей того, кто на пне, он кричит, он их вождь!
«Горе мне, на куски разлетелась винтовка...
«Ничего не могу... повалили меня...

«Нет, я жив, только связан! Злодеи, злодеи,
«Отпустите меня, я не в силах смотреть!
«Жарят Пьера, а мы с ним играли в Марселе,
«У веселого моря играли детьми...

«Что ты хочешь, собака? Ты встал на колени?
«Я плюю на тебя, омерзительный зверь!
«Но ты лижешь мне руки, ты рвешь мои путы?
«Да, я понял, ты Богом считаешь меня.

«Ну, бежим! Не бери человеческого мяса,
«Всемогущие боги его не едят.
«Лес! О лес бесконечный! Я голоден, Акка,
«Излови, если можешь, большую змею...»

Он стонал, он хрипел, он хватался за сердце,
А на утро, почудилось мне, задремал.
Но когда я его разбудить попытался,
Я увидел, что мухи ползут по глазам.

Я его закопал у подножия пальмы,
Крест поставил над грудой огромных камней
И простые слова написал на дощечке:
«Христианин зарыт здесь, молитесь о нем».

Карлик, чистя свой дротик, смотрел равнодушно,
Но, когда я закончил печальный обряд,
Он вскочил и, не крикнув, помчался по склону,
Как олень, убегая в родные леса.

Через год я прочел во французских газетах —
Я прочел и печально поник головой:
Из большой экспедиции к Верхнему Конго
До сих пор ни один не вернулся назад.

СУЭЦКИЙ КАНАЛ

Стаи дней и ночей
Надо мной колдовали,
Но не знаю светлей,
Чем в Суэцком канале,

Где идут корабли
Не по морю — по лужам
Посредине земли
Караваном верблюжьим.

Сколько птиц, сколько птиц
Здесь на каменных скатах,
Голубых небылиц,
Голенастых, зобатых!

Виден ящериц рой
Золотисто-зеленых,
Словно влаги морской
Стынут брызги на склонах.

Мы кидаем плоды
На ходу арапчатам,
Что сидят у воды,
Подражая пиратам.

Арапчата орут
Так задорно и звонко,
И шипит марабут
Нам проклятья вдогонку.

А когда на пески
Ночь, как коршун, насядет,
Задрожат огоньки
Впереди нас и сзади.

Те красней, чем коралл,
Эти зелены, сини...
Водяной карнавал
В африканской пустыне.

С отдаленных холмов,
Легким ветром гонимы,
Бедуинских костров
К нам доносятся дымы.

С обвалившихся стен
У изгибов канала
Слышен хохот гиен,
Завыванья шакала.

И в ответ пароход,
Звезды ночи печалю,
Спящей Африке шлет
Переливы рояля.

НИГЕР

Я на карте моей под размеренной сеткой
Сочиненных для скуки долгот и широт
Замечаю, как что-то чернеющей веткой,
Виноградную узкою веткой ползет.

И вокруг города, словно ряд виноградин,
Это — Бусса, и Гомба, и царь Тимбукту —
Танец странных имен, что для сердца отраден,
Что пьяней африканских акаций в цвету.

Но не верю, не верю я, справлюсь по книге:
Ведь должны же пределы и тупости быть!
Нет, написано Нигер... О царственный Нигер,
Вот как люди посмели тебя оскорбить!

Ты торжественным морем течешь по Судану,
Бьешься с хищною стаей сахарских песков,
Дышишь полною грудью в лицо океану,
С середины твоей не видать берегов.

На тебе, словно бисер на яшмовом блюде,
Расписные, узорные пляшут ладьи,
И в ладьях величавые черные люди
Восхваляют благие деянья твои.

Бегемотов твоих розоватые рыла
Над водой, словно купы мясистых цветов,
И винты пароходов твои крокодилы
Разбивают ударом могучих хвостов.

Ты, как бог этих стран, благодушен и редко
Выше облака пенного взносишь холмы,
И тебя-то простой виноградною веткой
Напечатать на картах осмелились мы!

Я тебе, о мой Нигер, готовлю иную,
Небывалую карту, отраду для глаз,
Я широкою лентой парчу золотую
Положу на зеленый и нежный атлас.

Снизу влево пусть ляжет осколок рубина —
Это край позабытых железных богов,
Что валяются в грозных ущельях Бенина
Меж слоновых клыков и людских черепов.

Вправо выше, где вольные степи Сокото,
Шерсть пантеры и пулю я рядом нашью,
Здесь прекрасны сраженья, привольны охоты,
Хорошо здесь скитаться копьём и ружьём.

Дальше крупный опал, прихотливо мерцая
Затаенным в нем красным и синим огнем,
Мне так сладко напомнит мечети Сонгаи
И султана сонгайского праздничный дом.

И жемчужиной дивной отмечен мной будет
Сердце Африки, город чудес — Тимбукту,
Где встречается тот, кто сидит на верблюде,
С тем, кто правит рулем на тяжелом плоту.

Здесь впервые вздыхает легко и глубоко
Запылённый, пустыней измученный гость,
Приезжающий пестрые ткани Марокко
Обменять на рабов и слоновую кость.

Он глядит, как фонтаны исполнены неги,
Как пылает на солнце банановый лист,
И он знает, — сюда не придут туареги,
Не хлыстнет этих стен их пронзительный свист.

Я создам эту карту и, верно, поэты —
Это город поэтов и пальм, Тимбукту —
Лунной ночью почувствуют тайно, что где-то
Звон их лютней ответную будит мечту.

Содержание

Андрей Никитин. Загадка последней
книги Николая Гумилева 5

Н.Гумилев. ШАТЕР

Вступление	53
Красное море	55
Египет	57
Сахара	61
Судан	65
Абиссиния	67
Галла	72
Сомали	75
Готтентотская космогония	78
Дагомея	80
Либерия	82
Экваториальный лес	85

Дополнения

Суэцкий канал	89
Нигер	92

Научное издание

А.Л.Никитин

Неизвестный Николай Гумилев

Оформление А.Ю.Никулина

ЛР № 090075 от 15.02.94.

Сдано в набор 10.01.96. Подписано в печать 09.04.96. Формат 70х100/32.

Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,0. Заказ № 1357. Тираж 1000 экз.

Российско-германское СП «Интерграф Сервис».

АООТ «Политех-4», 129110 Москва, Б. Переяславская, 46.

В серии «Семейный архив. XX век»

вышли:

С.Волков. *Последние у Троицы. Воспоминания о Московской Духовной Академии (1917-1920).*
М.—СПб., 1995

В.Р.Никитина. *Дом окнами на закат. Воспоминания.* М., 1996

готовятся:

А.Никитин. *Неизвестный Николай Гумилев.*

С.Кондратьев. *Весна в Кентее. Стихи и поэмы.*

А.Никитин. *Московский дебют С.Эйзенштейна.*

С.Быльев. *Корабли. Стихи.*

В.Смышляев. *«Печально и нехорошо в нашем театре...»
Дневник 1927-1931 гг.*

С.Волков. *Последние у Троицы. 2-е издание.*

А.Никитин. *Тамплиеры в Москве.*